

Владимир Минеев

Чертополох

Владимир Минеев

Чертополох

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48484173

Чертополох: стихи, эссе. / Минеев В.: У Никитских ворот; Москва;

2019

ISBN 978-5-00095-835-3

Аннотация

В сборнике представлены стихи и проза Владимира Минеева.

Содержание

Стихи	7
«Пойдёшь вперёд...»	7
День всех святых	8
Моцарт	9
Девчонки	10
Грек и рак	11
Курфюрсты	12
Корсиканец	13
Скарабей	14
Митрофанову	16
«Портрет старинный, фотобром...»	17
Подражание Саше Чёрному	18
Любке	19
Я тож, Любань...	20
Каменскому	21
Медведь	22
Исаичу	23
Год 91-й. Рондо на тему А.К. Толстого	25
Кабуки	27
Размышления, навеянные Женским днём	28
«Приняв от милого цветы...»	29
Продолжение Анчаровской «Балалаечки»	30
Детям	31

Подросток	32
«Я буржуев культурные ценности в полном праве примерить к себе». Ким	33
Билли и Вилли	34
Вилли и Билли	35
Tout arrive pour le mieux	36
Река	37
Маше	38
Бабушке Наталье	39
Ошибка	41
Тайская сторонка	42
35-часовая рабочая неделя	43
Институту	44
Сон	45
Заворот кишок	46
Осень в Гренобле	47
Зима в Гренобле	48
Коммерцией...	49
Порог	50
Размышления на свадьбе	51
Диоскурий	52
Простатит	53
Синица	54
Откуда пошли пельмени	55
На чём держится жизнь	57
Инь и Янь	58

Перечень поручений по итогам заседания Совета по науке и образованию	59
Пушкин	60
Зимнее	61
Romance russe	62
«Нанесены на лик черты прекрасной дамы...»	63
«Не взять «Макинтошу» кириллицы в толк...»	64
Ты знаешь...	65
«Ты на ночь шепчешь мне: дрожу...»	66
7 сентября	67
Июнь 2006 года	68
«К нам неизвестное всё ближе...»	69
Опять ей	70
Маслов-кот	71
Не подарок	72
Письмо	74
Судьба	75
Ты мне пиши	76
Кот Семён	77
«Ты пишешь – без тебя скучаю...»	79
Вступление	80
2017	81
Страсбург	83
Воля	84
Грише из Хармса	85

Владимир Минеев

Чертополох. Стихи

Стихи

«Пойдёшь вперёд...»

Пойдёшь вперёд,
Не знаешь сам, придётся ли остаться.
Пойдёшь назад,
Прикинь, пацан, выходит, жизни сдаться.
А я пойду, шутя слегка, по этой половине,
Где дрозд поёт,
Где пёс бежит,
Где наше детство снится.

День всех святых

Жил-был когда-то грек,
Сын Кроноса беспечный.
Он первый осознал
Вре́мён бег бесконечный.

За ним пришёл арап,
Часов круговращенье
Двунадесятью крат
Он разделил движенье.

Похоже, отсчитав
По часу на святого,
Чтоб каждый вечно жил
Частицею большого.

Моцарт

Нет полёта фантазий,
Лишь одно мастерство.
Доктор Фауст проказил,
Думал, Вагнер – ништо...

Поспешал и Сальери, взять мелодий клубок,
Расплести, словно косу, распрямить завиток.
А затем, что же проще? Волоски сосчитав,
Разложить, как по нотам, всем названия дав.

И за дело принялся, засучив рукава,
Зашумела дубрава, облетела листва,
Замер музыки голос, пересох ручеёк,
Пташек трепетный щебет постепенно замолк.

Даже горной лавины прекратился обвал,
Ну а Моцарт беспечно шёл вперёд, напевал...

Девчонки

Девчонки чудо хороши
И весело разумны.
А бабы, как их ни пляши,
Ужасно тугоумны.

То ж мужики, когда у них
Угаснет жар проказ,
Тупы, невзрачны, как сомы,
Не брызжет жизнь из глаз.

Ушли забавы, а ведь встарь
И ты плясал и пел,
Ты был мальчонкой,
И Она звала тебя пострел.

А нынче нет чтобы шутить,
Кричать, плясать и петь,
Свивают старики гнездо,
Чтоб мягче умереть.

Май 2008 г.

Грек и рак

Подражание М. Левину

По речке в ладье подвигался варяг
И видит – в воде к нему пятится рак.
Десницу в волну варяг опустил,
Тут рак хватить за палец, – варяг завопил,
Забряцал кольчугой и шлем утопил:

Мол, вышла ошибка, послушайте, рак,
Зачем же кусаться, не грек я – варяг...
– Ну да, – пробурчал недоверчиво рак, —
Хоть кажется, будто бы ты из варяг,
Но в греки попасть совсем не дурак.

Так водится – сначала вы не греки,
Затем суёте руки в наши реки.

Курфюрсты

Саксонские курфюрсты – толсты, женолюбивы,
Покрыты париками, в усах струится пиво.
Пузатых купидонов довольная толпа
Взирает на сосиски с лепного потолка.

На мейсенских тарелках капустные листы,
Подушки и перины горбятся, как мосты.
Грудастые саксонки задами потрясут.
И новых купидонов в капусте той найдут.

Корсиканец

Камелии, бонсаи, вокруг английский парк,
Курфюрсты пузо прячут в причудливых кустах.
Чем плохо? – попки, польки, зажаренный олень,
А утром всё сначала. И так хоть каждый день!

Но, пудру осыпая с вспотевших париков,
Вдруг корсиканский ветер влетел... и был таков.
И долго в море пива ходила страха зыбь,
За что он нас заставил так много пережить?

Скарабей

Сизифов груз – тяжел удел,
Как скарабей, тащить.
Не легче ли навоза шар,
Расслабься, отпустить.

Представить на минуту хоть,
Что ты свободный жук,
Рукой махнуть, гулять, болтать,
Стрекоз ласкать,
Окрест себя взглянуть.

И в бывших скарабеев круг,
Все позабыв, сойти.
Под гору шар, кругом нектар,
И нет забот почти.

Что дальше? – То же, что вчера,
И завтра, и потом.
Мечты ушли, исчез вдали
Горы зовущий склон.

И только с гаснущей мечтой
Прозрение пришло:
Ведь у кого навоза нет —
Тому не повезло.

Митрофанову

Вот капелька росы,
Там паучок средь кружев паутины,
На лужах пузырьки,
На речке льдины.
Так дивной красоты
Являет нам Творец картины.
И надо не пройти, услышать сей намёк,
Жить чище, лучше, веселее.
Чтоб не напрасно всё.
И быть добрее.

«Портрет старинный, фотобром...»

Портрет старинный, фотобром.
Старик, знакомый нам, на нём.
Куда-то тихо унесло
Гармошку, книги и весло,
Которым загребал тогда,
В былые славные года.
Быть может, мы ещё споём...
О том.

Подражание Саше Чёрному

Французский учит мать-старуха,
Отец про физику бубнит,
Кто чинит примус,
А кто в ухо так и захватить норовит.

Чреда времён однообразных
Несётся мимо, как всегда,
Весь в ржавчине листвы и брызгах с неба
Пришёл Октябрь, и намокают провода.

Любке

Теперь, подобно самураю,
Живу, как будто к ночи жить я прекращу.
Качусь с горы, но кажется мне, знаю,
На гору вверх я доскачу.

Я тож, Любань...

Я тож, Любань,
Хочу в Тайвань.
Доху без дыр
И с ней в Таймыр,
Под гром джаз-банд
Рвануть в Тайланд.

Но жизнь, увы, моя тиха.
Давно изношена доха,
Держусь подальше от греха
И от соблазна:
Наполнить тайским потроха
И ездить только на слоне
Неслазно.

Каменскому

Река времён вперёд несётся,
Уносит жизни утлый чёлн,
И скоро вечности коснётся
Гребец обшарпанным веслом.

Потухнет всё...
Лишь дружбы нить
Взлетит осенней паутинкой,
Чтобы иных объединить.

Медведь

Мне кажется, что я медведь,
Хожу по клетке беспрерывно.
А лапу между прутьев и реветь
Здесь не дают, сколь ни обидно.

Большая клетка, вроде есть простор,
И можно и налево, и направо,
Но там запор и здесь запор,
Везде я не имею права.

Проблему эту я решил,
Давно хожу диагональю,
А то винтом кручусь, но нету дыр...
Да... прочно, крепко заковали.

И кто они? Да нету их.
Я сам собой давно закован,
Сам выбрал путь. И вот, в конце,
Мне не уйти, я замурован.

Однако ж есть последний ход:
Освободиться – улететь к мечте-невесте.
Мяукнет кот, залает пёс,
Дух воспарит, оставив плоть на месте.

Исаичу

Как справиться с собой? —
Вопрос задал Исаич.
Без Бога сам не свой,
А людям не товарищ.

Как пифия, вдохнув
Дельфийских испарений,
Он истину изрёк,
Здесь двух не будет мнений.

Что, мол, он понял всё,
России путь промыслил.
Настолько, что теперь
Зачем свои нам мысли?

Что нынче Казахстан
(Уж эти мне Эзопы)
Вступил на роль Балкан
В подбрюшии Европы.

Что «крохотки» в людей
Добавят совершенства.
Мол, одичали все,
Не нюхали и земства.

Не прост как апельсин,
И все не будь сказан,
Язык родных осин
Он правил новоязом.

Лубочный эрудит,
Он знает всё на свете
И красным колесом
Катится по планете.

Год 91-й. Рондо на тему А.К. Толстого

Отчего былой хозяин
Так начальству параллелен?
Будь он боле вертикален,
Суд его был боле делен.

Про себя он был уверен,
Институт стал нелинеен,
По Земле окрест рассеян,
Оттого самонадеян,
И упрям, и неумерен.

– Ничего, – сказал хозяин, —
Нелинейность мы отсеем
И любимому начальству
Лишь линейное доставим.

Будем править параллельно,
Вдоль натягивая вожжи,
Что же может быть милее,
Сердцу может быть дороже?

Всяк, кто слишком нелинеен
Или перпендикулярен,
Даже просто вертикален,
Нынче может быть застрелен,

Иль зарезан, иль подпален.
Всё затем, что параллелен
К высшим стал былой хозяин.

Добрый суд людьми повелен,
А начальства суд печален,
Так зачем же параллелен
Стал к нему былой хозяин?

Бег Вселенной беспределен,
Век у каждого измерен,
Отчего ж былой хозяин
Так начальству параллелен?

Кабуки

Кабуки – не буки, но бяки.

Кабуки – лукавые, хитрые враки.

Кабуки – громкие дрязги и склоки.

Кабуки – длинные, долгие драки.

Кабуки – не буки, но бяки.

Размышления, навеянные Женским днём

Старуха, девочка, жена,
Девушка, бабушка, сестрица,
Дочурка, матушка, Одна,
В которую я смог влюбиться,

Всех поздравляю и хочу
Скорее к вам я воротиться!

Но логика морей проста —
Удачи нет, коли на борг
Мы примем женщину едину.
Без милых плыть нам лет до ста,
По ветру разбросав седины.

«Приняв от милого цветы...»

Приняв от милого цветы,
С немилым бьёшься за равенство.
И мир далек от совершенства.
А совершенство – это ты.

Продолжение Анчаровской «Балалаечки»

От трюмо и сумо
Ты не зарекайся,
Все придёт к нам само,
Дед Мазай и зайцы.

Ни кола ни двора
И ни кожи с рожей.
Все уйдут со двора,
Все, и зайцы тоже.

Ну а мы постоим
С стариком Мазаем.
Кто придёт к нам потом,
Даже он не знает.

Детям

Вот говорят, что простота —
Уж если воровства не хуже,
Без пользы наземь брошенный пятак.
Слова морозят зимней стужей.

Есть простота небесных сфер,
Гармонией соединённых,
А правда, голая, раздетая совсем,
Сидит на нарах закопчённых.

Ну, а кругом разводят муть,
Мол, что полезней, то и есть важнее,
Но ежели на них попристальней взглянуть,
То тут же видишь прохиндеев.

Да будет жизни пройден круг.
Затем младым по кругу шляться.
Мы ничего, мы как-нибудь,
Им сделать всё и здесь остаться.

Сентябрь 2006 г.

Подросток

Мне кажется, что я опять подросток.
И страшно мне – прикиньте – голый я хожу.
Хочу укрыть себя в толпе щенков и кошек, —
Отстаньте все. Не то я лужу напружу.

Ноябрь 2006 г.

«Я буржуев культурные ценности в полном праве примерить к себе». Ким

Я сам с собой сижу,
И сам себе вокал
Пою без фортепьянов
А сарелла,
И сам себе плесну
В стакан или в бокал
Пивка или винца,
Чтоб не ржавело.

Билли и Вилли

У Билли и Вилли было ног в избытии.
На них они оба ходили-бродили.
Но вот незадача – им ногу подбили.
И Вилли и Билли об этом грустили,
Мечтали о том, чтобы ногу срастили,
Но в жизни у Билли всегда или-или:
То Вилли идет опершись на костыли,
То Билли хромает с подбитой ногой.

Не шибко вначале дела обстояли.
Тем временем ногу слегка залатали,
Врачи у друг дружки рукав закатали,
Чтоб маску посмертную с голени Вилли
В Кунсткамере выставить перед толпой.

Свершилось: у Вилли гипсы соскоблили,
А Билли и вовсе хромать запретили,
И скачут отныне и Билли и Вилли,
Приветно махая опухшей ногой.

Вилли и Билли

У Билли и Вилли всего в изобилии.
Но вот не хватает им апостилей.
И Вилли и Билли письмо отстрочили,
Нельзя ль апостили махнуть на костыли?
Которых скопилось немереный рой.

И Билли и Вилли башкою крутили,
Когда ж прибывает супружница Билли?
Но Вилли упрямо твердил сам не свой:
«Я бабой не буду делиться с тобой,
Близнец мой сиамский, Биллюша ты мой!»

Tout arrive pour le mieux

Может, я полномочья превысил?
Вдруг сомнения дух посетит,
Жизнь по кочкам уносит, уносит.
И уж кажется, нет больше сил.

Недоверчивый, драный, лохматый,
Он заглянет в окошко моё.
Разгребаю я мысли лопатой,
По верёвкам развесив бельё.

Почему-то опять в одиночку
Мне к неведомой цели скакать.
Жизнь уносит по кочкам, по кочкам,
И жар-птицу никак не догнать.

Река

Проносятся, куда не знаю,
Дни, песни, люди, города.
И Олька стала уж седая,
И я ни к черту, никуда.

А было время ожиданья,
Что, может, завтра вечером
Раскрою тайны мирозданья,
Не оставляя на потом.

Но верно, жизнь лишь столько длится
И в тех лишь держится, пока
Кто верит, что за поворотом
Им вдруг откроется Река.

Маше

В ём, без сомнения, кистка есть —
Так женщины между собой шептались.
А юноши, дай Бог им днесь,
Прогулкой бёдер любовались.

Нам практики порой зудят
Про мякоти к костям соотношение
И всякое душевное движение
Поверить разумом хотят.

Но без костей лишь языку
Болтать сподручно,
А мясу без костей бесформенно и тучно,
Без рёбер жизни нет в боку.

Сентябрь 2007 г.

Бабушке Наталье

В мордовском желудке
Сгниёт долото.
И это не шутки,
Я знаю про то.

То же Тюха с Матюхой,
Колупай, брат, при ём,
Да и умные люди,
Коим думать умом.

А звонок на собрание
Уши все прожужжал,
Мол, Ланцов в одночасье
Из замка убежал.

Долго он озирался,
Пробираясь в чердак.
Шлялся, шлялся бедняга,
Нет верёвки никак.

Вдруг нашёл он верёвку,
Может, жизни длинней.
Что ж, осталось креститься
И спускаться по ней.

Кувыркнулся на землю,
Глядь – дорожный трактор,
В нём хозяйка блинами
Угощает весь мир.

Дедушке Мите
Блинка не нашлось,
Но зато эту притчу
Нам узнать привелось.

Говорит ей: «Молодка,
Аль мой блин не поспел?»
Покраснела тут тётка,
Блин нашла, дед поел.

Как лакей пред собакой
Я кругом виноват,
Записал сказ неловко,
Было лучше сто крат.

Ошибка

Президиуму РАН

Ошибка вышла, что не допустил ошибки.
Ну ни осечки... Шёл не оступясь и не дрожа.
И расступались предо мною человечки,
В карманах фиги до поры держа.

Потом сомкнулись тесными рядами,
Вслед зашуршали: «Кто это такой?
Что пролетел тут между нами.
Пошто нарушил наш размеренный покой?»

И вот что я ответил: «Братцы,
Ошибка в том, что без ошибок мне
Не стоит между вами появляться,
С ошибками, конечно же, вдвойне».

Март 2009 г.

Тайская сторона

Всё чудно: рощи, храмы, волны,
Бамбуков ряд и Гаутамы Будды лик,
На горизонте только пальмы стройны,
Ну и... пятиэтажек никаких.

Кругом пиво – почти нирвана,
Не одуваны – орхидеи, сплошь цветы,
И даже два любавичских брахмана
При входе в рай, кошерный, как мечты.

35-часовая рабочая неделя

Бедняги французы пахали,
Бедняги французы устали,
Судили, что делать им дале,
Грустили, вздыхали, рыдали.

Тем временем лоботрясы,
Чьё чрево привычное к мясу,
Лежали себе на пригорке,
Мочили солёные корки.

Когда же придёт справедливость? —
Прошу вас, скажите на милость.
Когда ж отдохнут работяги
И снимут постромки с коняги?

Институту

За что же я в ответе, братцы,
Ужель за непрочтённый стих?
Чего же надо мне бояться?
– Судьбы иных...

Держать ответ за всё в природе
Иль просто за своих – чужих,
Наверное, иль это вроде?
– Вся мука, сила вся от них.

Но что потом? – Молва людская
Всем подведёт итог, и края
Смог иль не смог...
Поймёшь иль нет, навеки засыпая.

Сон

И вновь во сне зелёный склон,
Под ним изба...
мои все за столом...
Но видно, будто за стеклом.
Как тихо говорят...
Не слышно почему-то.

И знаю я, недолго ждать,
Я с вами посижу опять
Там,
где друг друга не слышать.

Заворот кишок

Я там уж побывал,
В краю, где все бесстрастны,
Течёт лишь Стикс-река,
И тени Эвридик.
Стараний суета,
Потуги все напрасны,
И просто ни к чему
Всё то, к чему привык.

Осень в Гренобле

Уже опять зимы дыханием
Посеребрён зелёный склон.
За Ганнибалом вслед за Альпы
Давно ушёл последний слон.

Простывших гор толпа сомкнулась,
И в ожидании зари
В своих малиновых манишках
На ёлках дремлют снегири.

Зима в Гренобле

Опять зима, и вновь,
Теперь уж сколько лет,
Готовлюсь с лыж упасть в сугроб,
Забыв велосипед.

Но скоро дунет ветерок,
И волосом седым
Покроет голову и тем,
Кто прыгал молодым.

От этого не убежать —
Таков закон судеб.
Но наше дело – забывать
Про неизбежность бед.

Коммерцией...

Коммерцией наш мир прослоен,
И тщится время старый принцип изменить:
Науку двигать – лишь немногим,
А прочим – от невежд её хранить.

Наверно, кое-что я закрываю.
Да, плюнуть можно – ведь умрёт само.
И всё ж, пока оно живёт, я знаю,
Сколь юношей испортит, и девчонок заодно.

Несть им числа, куда их гонят,
Не жалобно, но бравурно поют.
И в тщете заживо себя хоронят,
И Герострата славу обретут.

Не проще ли, коль взял перо рукою,
Писать лишь то, что стоит рассказать,
И кое-что для вечности построить,
Перед Всевышним с этим лишь предстать.

Порог

Меж жизнью и смертью есть порог.
Живые смерть не принимают,
Любой опасности избегнуть, наутёк
Пуститься, желая вечно жить, желают.

Не знают, бедные, что сами к ней пойдут,
Лишь та поманит их, страданием измучив,
И, успокоясь, к бездне припадут,
Покажется, что так и будет лучше.

Размышления на свадьбе

Бушует молодость
И бурно жить спешит,
А старость скучно бег колёс
Стоп-краном тормозит.

Набрякла слива,
Тесть уж кос
И мыслит, как бы в купорос
Макнуть зятя, хоть некрасиво.

Что молодежь? Вот мы...

И чёрт бы с нами.
Люблю их смех. Сверкнул глазами!
Так славны... молоды... чудны...

Диоскурий

Надвигается что-то
Пока непонятное мне.
Надвигается молча,
Хватая руками за горло.

Не пойму, отчего вновь мне тошно
В чужой стороне,
Да и в нашей родной
Почему-то не очень комфортно.

Дальше будет трудней
Оставаться, как прежде, собою.
Усыхает шагрень,
И друзья покидают порою.

Надо будет решить,
Как достойно пройти диоскурий,
Как суметь не спешить,
Как успеть совершить
И уйти незаметно без дури.

Простатит

Лоран народу говорит,
Что у народа простатит.

Народ безмолвствует, сопит,
Кумекает, что просто Тит
Нам, мужикам, не повредит.
Ну разве что подхватит СПИД.

Им невдомек, что немощь Тита
Лекарство лучшее от СПИДа.

Синица

Меняю синицу с хвостом на жар-птицу,
Так птицелову сказала девица.
В ответ прозвучало: «Меняю девицу
На самую мелкую птаху иль птицу».

Вот так непонятно, зачем, отчего,
Где мера, начало порядка сего???

Откуда пошли пельмени

Вероной правил кондотьер
Ни шатко и ни валко.
Он чернь в порядок приводил
Длиннющей круглой скалкой.

В других краях – там щит и меч
И скипетр с державой.
А здесь, чтоб голову отсечь,
Берёт палач булаву.

За то прозвали Скалигер
Правителя лихого,
Дубиной он давал пример,
Не лез в карман за словом.

Но как-то раз один купец,
Прозванием Марко Поло,
Случайно забредя в дворец,
Был скалкой очарован.

Не вздумав с герцогом болтать,
Сей итальянский гений,
Он тут же скалку в руки хватъ
И ну катать пельмени.

А вслед за ним народ честной,
Обсыпанный мукою,
Не знает больше с той поры
Ни лени, ни покою.

Катают равиоли все,
Кто манты, кто хинкали,
А старый герцог Скалигер
Спит на коне из стали.

На чём держится жизнь

Спроси, чем держится народ?
Успехом у девчонок,
Победы не добьёшься ты,
Хоть математику учи,
Как все друзья, с пелёнок.

Придёт заштатный гимназист
Со знанием попроще
И всех девчонок уведёт
В кусты, а может, в рощи...

А почему? Ответ простой,
Ведь он читал Майн Рида,
И с Интернетом не знаком,
Прикинулся для вида.

Да... жизнь богаче, чем Facebook,
Толпа о том не знает,
Напишешь этакое вдруг,
А сок внутри играет.

Инь и Янь

Есть два начала – Инь и Янь.
Инь рвёт свои оковы,
А Яньки няньками сидят,
Чтоб Инь наделать снова.

Всё было б просто, если б грань
Их отделяла строго,
Но в каждой Иньке есть и Янь,
Неправильна, убога.

И платоническу любовь
Яньцы порой лелеют,
И на мускулистых плечах
От страсти нежной млеют.

А в Яньках Инчики сидят
Соблазном прочим Янькам,
Лишь на подружку поглядят,
Попробуй разделяй-ка.

Вот так из стари повелось —
Инь-Янь Янь-Инь смешались.
А может, лучше помелом?
Как думаешь, товарищ?

Перечень поручений по итогам заседания Совета по науке и образованию 21 января 2016 года

Ох!.. Трудно возродить...
Но надо обеспечить.
Да чтоб не проглядеть
И всё-ё-ё предусмотреть.
Ну, а затем суметь.
Закрыв глаза, представить.
А чтоб не употеть,
Холодного заправить,
Ну и порядок чтоб
Хоть где-нибудь принять,
Людишек цельну рать
Координировать.

В.В. Путин

11 февраля 2016 г.

Пушкин

«Скучна как истина, глупа как совершенство»,
На этом бросил он роман писать.
Но, боже мой, какое же блаженство
В сей мир с его игрой условностей вникать,
Почувствовать гармонию, понять,
Желая вновь вернуться, осознать
Недоговорённое.
Вот так и в жизни
Нет ни начала, ни конца.
В обнимку с прошлым мы сидим на тризне,
С грядущим на крестинах первенца.

Зимнее

Опять эти чахлые ёлки
Дрожат от мороза в Коньково.
Зелёные ёлок иголки
Синеют от холода снова.

А мы обожаем морозы,
На лыжах катаемся с горки,
Отставим, сколь ни были горьки,
Замёрзшие сопли и слёзы.

И вновь вместе с Брейгелем Старшим
Охотники смотрят в селенье.
А там на коньках и на санках
Девчонки, мальчишки, движенье...

Romance russe

Так ждать тебя с душой тревожной
И вдруг узнать – не едешь ты...
Нет, это просто невозможно.
Лица растаяли черты.

Но снова, лишь полслова скажешь,
Весь в ожидании дрожу,
Иль усмехнёшься, иль откажешь,
Я всё к стопам твоим сложу.

«Нанесены на лик черты прекрасной дамы...»

Нанесены на лик черты прекрасной дамы,
И щёчки алые свежи как никогда,
И губки пухлые, как горбики у ламы,
Но крокодильство ведь не спрячешь никуда.

В глазах прелестницы адреналин сверкает,
Костюм наброшен узкий без плечей.
Опасность дамы сильно возрастает
В кругу семейном предков и детей.

Сентябрь 2006 г.

«Не взять «Макинтошу» кириллицы в толк...»

Не взять «Макинтошу» кириллицы в толк,
А дома я сам макинтошен,
По самое некогда занят, как полк,
Тебя не найдя, огорошен.

А старый Renault всё стоит во дворе,
Он белый, как финские ночи.
Я завтра в Чухонь полечу на заре,
Чтоб голову всем заморочить.

Ты знаешь...

Ты знаешь, стих я не люблю,
Совсем немного им владею,
И ямбу или же хорею
Предпочитаю речь твою
Иль внуков бестолочь вполне я.

Приятен слуху лимерик,
Сонет заморский ухо гладит,
Вотще сонет, ведь я старик,
Мне лишь мадера душу младит.

Да нет, зачем напраслину развёл?
Пройтись с тобой куда как мне милее.
Синеет речка, зелен дол.
Старуха, внуки – вот и веселее.

7 сентября 2006 г.

«Ты на ночь шепчешь мне: дрожу...»

Ты на ночь шепчешь мне: дрожу...
Мурашки бегают, и мерзнут ноги.
Хоть правды в том не нахожу,
Огонь я зажигаю по тревоге.

Потом тепло, залив зиму тревог,
И сон – спаситель дум с усталостью приходят.
Что завтра? Завтра новый круг,
Судьбы коней уж по двору выводят.

7 сентября

Ты краску красишь там,
А здесь с вином винюсь я.
И что б бабуля Нюся ни пекла к столам,
Увы, сей миг у вас не появлюсь я.

Ты говоришь, стихи мои тусклы.
Повисла паутина среди сосен,
В глазах вороны, не орлы,
И сам старик уже несносен.

Но всё равно, хоть ноги не идут,
К тебе стремлюсь,
И сколь я ни барбосен,
Тебя, старуху, в память завернув,
Не как какой-нибудь обэриут
Приду домой,
Стихи и ерунду отбросив.

Июнь 2006 года

Когда поэту не хватает музы,
Так то рождает новые стихи.
Они хотя, быть может, косопузы,
Но к вечности летят, как мотыльки.

И вот что детям музы непонятно,
Что муза девой юною была,
Но улетели годы безвозвратно,
И с гор спустились новые дела.

Теперь с внучком-другим она балует,
И мне она по-прежнему мила,
Надеты боты, сыты бегемоты,
Мы улетаем, жизнь уже прошла.

«К нам неизвестное всё ближе...»

К нам неизвестное всё ближе,
А всё известное скрывается вдали.
Горят мосты. Я пламя ясно вижу,
И уплывают в небо корабли.

Семь лет назад была ты той,
Что и сейчас бы приударил,
Но семь годков пришли домой,
Как гость незванный, как татарин.

Всё эфемерней жизни нить
И завтра может оборваться,
Хочу взглянуть, чтоб сохранить
В глазах улыбку, тонкость пальцев.

Опять ей

Когда ты станешь знаменитой
И в психологии кругом,
Ты скажешь, верно:
– Этот физик...
Он совершенно ни при чём.

И правда, если присмотреться,
Травой забвения укрыт,
Лишь томик старой псих-девицы
Тебе единственный кредит.

Маслов-кот

Пришла пора котов кормить,
Собакам некуда уж деться,
Псам выпало любовь хранить,
Котяры ищут, где погреться.

Ты этим Масловым-котом
Мне каши постной не испортишь,
По встрече ино побредём,
Хоть из себя ты кошку корчишь.

Пока ты Маслову-коту
Сметану в плошку наливаешь,
Пока ты там, а я вот тут,
Ну и скучаю, ты же знаешь.

Сентябрь 2006 г.

Не подарок

Вопросы задаю себе:
Там боги или черти?
Чем жил? И обо мне
Что скажут после смерти?

Словесный набежит прилив:
Покойник был нетерпелив,
Всегда ворчлив, порой бранчлив,
Несносен, деспотичен.

Возможно, будет и отлив:
Де кой-кому и кое с кем
Казался
Симпатичен.

И вот теперь он где-то там,
А встарь, собрав матросов,
Корабль водил он по рекам,
Решал всё сам, без пап и мам,
Как говорят, без спроса.

Закон судеб не изменить,
И то же с мужиками:
Сколь чёрных кобелей ни мыть,
Не станут зайчиками.

Письмо

Вот пишешь ты – ко мне пойдёт любая,
Не просто подойдёт, а подбежит.
А я, что делать мне? Не знаю.
Наверно, отвернусь, коль буду жив.

И правда, тётки подлетают
И бьются, словно мухи о стекло,
Которое я им не открываю,
Другие мчатся, не заметив ничего.

Но вот однажды я открыл окошко,
И ты влетела осторожно внутрь,
Не сразу распознав, где дёгтя ложка,
Решила, бог с ней, как-то проживу.

Что вышло из того, мы знаем.
Уйти назад не можем мы теперь.
Не то чтоб это было раем,
Но ведь и адом не назвать, поверь!

Судьба

Давайте спросим у живых,
Пока они живут,
Как надо им себя вести,
Пока не повезут.

Никто не скажет наперёд,
Кто струсит, кто соврёт,
А я скажу: в руках судьбы
Всё будущее – вот.

Но каждый должен быть готов
Взглянуть в глаза судьбе.
Таков уж сказ суровый мой
О мне и о тебе.

Ты мне пиши

Ты мне пиши почаще, если можешь.
Привычка мыслить, уравнения решать,
Сама меня клонит людей бежать.

Когда же просто рядом души ни близкой
Иль даже дальней нет,
В тюрьме я будто. Веду счёт лет.

Однако, как Марк Туллий, я спрошу:
Доколе, чёрт возьми,
Я груз сей выношу?

Март 2008 г.

Кот Семён

*Тра-та-та, та-та, та-та,
Очень любим мы кота...*

Семейная песня

Кто наш кот, кот мармот?
Кто наш кот сякушкин?
Замечательный дружок,
Звать его мармушкин.
Он и славен и умен,
Это – кот, зовут Семён.
Очень любим мы его,
Котю-котю самого.
До чего кота мы любим,
Не дадим в обиду людям.
У него у одного
Лишь сто сорок ног всего,
Лишь всего сто сорок ног,
Вот такой у нас коток!
Он малышный, он чудышный
К нам идёт, идёт неслышно.
К Оле медленно подходит
И мурчальну песнь заводит:
«Де в моих мечтах, котовых,

Ты являешься мне снова,
Без тебя мне жизнь скучна
И кормушка не полна».
А затем идёт ко мне.
Мы с котушкой наравне,
Формулы с ним дружно пишем,
Над бумагой дружно дышим.
И идёт наш диалог:
Я пишу, а он прилёт.
Спит-поспит, а вдохновение
Где-то бродит в отдалении.
Кот во сне его зовёт.
Вот что может чудный кот.
По ночам наш кот гуляет,
Кошек местных удивляет
Чудных лапок белизной,
Серенадою ночной.
А котов, будь им неладно,
Атакует беспощадно.
У него один закон —
Вышел в двор – так будь котом.
Что про нас сказать теперь?
Был у нас чудесный зверь.
Мы в ответе за него.
Не смогли сберечь его.

«Ты пишешь – без тебя скучаю...»

Ты пишешь – без тебя скучаю,
Мне скучно тоже, и во всех смыслах.
И кожи нет, и нет уж больше рожи,
Где глазки синие – увы и ах...

Хочу, могу ль? А стоит оглянуться,
Ведь что-то понаделал между тем,
Мне кажется – я как еврей в кибуце —
Всё в общем, нету частных совсем.

Но, думаю, не зря я прожил
Те частности – так только можно жить.
А в общем что? – Оно и не тревожит.
Любимое, своё – вот это б сохранить.

Вступление

Стареет каждый человек
И мыслит, как продлить свой век.
Я думал, как продлить наш век,
И понял: всех собрать в ковчег.

Нанять корабль,
Собрать матросов,
Название дать ему «Ковчег»,
Без вводных слов и без вопросов
Вглубь Франции стремить свой бег.

В ковчеге ох уж и картина:
Есть с чёрным поясом детина,
С гармошкой дряхлый старый дед,
Оптимистичная прабабка
С подругой делят сон и хлеб.

Другой старик разгулом правит,
Ему опорой старпом,
Лишь красненьким нутро заправят,
Ведут корабль прямиком.
Их жёны целый день-деньской
Команду балуют едой...

2017

Старик суровый капитан
Набрал матросов здесь и там.
Прабабку взял с чудесной попкой,
А также юную красотку,
К ней престарелую маман
И старика с его гармошкой
И сыном, звать его Алёшкой.
Ещё на судне был старпом,
Любитель красного притом,
Камбуз с ворчливой судомойкой
Да капитанша наша Олька.

Корабль набит был, как ковчег,
Столь разных тварей он повлек
В Страсбург – центральный град Европы,
Где от причала долго топать
И, поглядев по сторонам,
Увидеть тьму бегущих дам
В заботе о здоровье бюста,
А мужикам чтоб было пусто.
У них ведь нет таких забот.
Так, если Google нам не врёт.

Проплыв закончен.
Охватила охота к перемене мест.

Куда поехать? Верно. В Метц.
Поесть баранинки на рынке,
Узреть шагальские картинки,
А пуще наконец поспать
Без унитаза за стеной
И рёва помпы в душевой.

Назавтра – новый поворот:
Улиток отправляем в рот,
Могила герцогов, потом
Стопы мы направляем в Beaune.
Бургундское течёт ручьём,
Но наш состарился старпом,
Его поздравив песнопеньем,
Сидим в автобусе рядком,
Грустим, но верим в продолженье.

Страсбург

Подражание М.Ю. Лермонтову

Страсбург на карте генеральной
Кружком отмечен завсегда,
Он город прежде был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
В нём улицы идут прямые,
И фонари, и мостовые,
В трактирах подают Choucroute,
И, если немцы нам не врут,
Стаканом рислинга иль пива
Всенепременно обольют.

Ещё парламент европейский
И бюрократы хоть куда,
Но есть одна у них беда:
Не ведают, за что приняться,
То с русскими начать ругаться,
То украинцев целовать.
Такая, видно, у них статья.

Воля

Опять радар... Куда рулить?
Не проще ли пешком ходить?
Пожалуй, лошадь я куплю,
Авось свой зад не отдавлю.

Поеду тихо по долам
И рысью бодрой по делам,
И никого не задавлю.
Всё потому, что не рулю.

Но вру. Иной раз кораблю
Штурвалом волю я даю
И песню громкую пою
Про волю вольную мою.

Грише из Хармса

Пришёл злодей, чтоб в ухо влить цикуты
Дум властелину, командиру тем.
Затем он сделал так, чтоб «фу-ты ну-ты»
Исчез властитель насовсем.

Но вот что интересно, братцы:
Ведь трон, где тот сидел, давно уж сгнил,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.